
МОСКОВСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1952 Г.: ТАКТИЧЕСКИЙ МАНЕВР ИЛИ НОВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ СССР?

М.А. Липкин

Центр по подготовке «Всемирной истории»
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр., 32-а, Москва, Россия, 119334

В статье анализируются причины, значение и составляющие масштабной международной акции СССР апреля 1952 г. – Московского экономического совещания. Основываясь на выявленных документах из РГАСПИ, автор показал, что Совещание было не просто ответной инициативой СССР на «план Маршалла» и образование Европейского сообщества угля и стали («план Шумана»). Это была первая попытка приоткрыть «железный занавес», повернуть логику международных отношений на путь «мирного сосуществования». Совещание не привело к скорейшему достижению поставленных целей, однако обогатило советскую внешнюю политику свежими идеями, легшими в основу внешней политики страны в период Хрущева и Брежнева.

Ключевые слова: СССР, экономика, дипломатия, мирное сосуществование, интеграция, холодная война, международная торговля.

Можно ли говорить о том, что еще в последние годы сталинского правления СССР готовился к разрядке международных отношений и переходу к мирному сосуществованию со странами капиталистического мира? Можно ли говорить о том, что экономические факторы начинали превалировать над политическими уже в начале 1950-х гг.? Существующий в западной историографии термин «ранняя разрядка» обычно применяется в отношении инициатив Н.С. Хрущева с преимущественным вниманием к советско-американской дипломатии (1956–1962 гг.). Однако анализ новых архивных документов за 1951–1952 гг. позволяет сделать вывод о том, что первый ветер перемен подул гораздо раньше хорошо известной хрущевской «оттепели» и имел своей первоочередной целью установление диалога со странами Западной Европы.

Целью данной статьи является показать место и значение Московского международного экономического совещания 3–10 апреля 1952 г. в европейской и глобальной политике СССР в 1951–1952 гг.

История Московского экономического совещания (МЭС) до недавнего времени лишь отрывочно попадала в поле внимания исследователей (1). Комплексного анализа этой акции в историографии проведено не было. Меж-

ду тем, несмотря на давление и информационный бойкот со стороны Запада, МЭС удалось собрать 450 представителей из 47 стран мира, включая хорошо известные капиталистические страны.

На Западе это событие было заклеено как очередной акт советской внешнеполитической пропаганды. Безусловно, это было частью общего замысла подобного мероприятия, особенно принимая во внимание, что идея такого предложения была впервые озвучена советской делегацией на Всемирном совете мира в феврале 1951 г. и национальные подготовительные комитеты в каждой из стран-участниц поначалу опирались на соответствующие национальные комитеты сторонников мира. Однако затем организаторы открестились от движения за мир.

При внимательном изучении переписки, связанной с организацией этой конференции, можно найти свежие и вполне прогрессивные идеи. Конечно, в письмах и докладах таких организаций, как ВЦСПС или Советский комитет сторонников мира, на первом месте стояли соображения пропаганды (разоружение ради выгод мирной торговли). Однако изучение материалов Министерства внешней торговли СССР, Всесоюзной торговой палаты, Института экономики АН СССР открывает совершенно новый пласт конструктивных идей. Это ряд свежих и вполне прагматических предложений по развитию экономических связей между странами с разными социально-политическим строем в духе «business as usual».

Помимо этого довольно необычно и даже в каком-то плане рискованно (с точки зрения способности контролировать подготовительный процесс, как если бы это было чисто пропагандистское мероприятие) выглядит список городов, выбранных для заседаний. Инициативный комитет заседал в 1951 г. в Копенгагене, а Бюро Комитета содействия развитию международной торговли выбирало между Лондоном и Берлином, пока не обосновалось в Вене в 1952 г.

Совещание изначально планировалось как неправительственное. В каждой стране был образован национальный подготовительный комитет, который координировал подготовительную работу. В самом СССР весь процесс координировался не МИД, а Внешнеполитическим комитетом ЦК во главе с В. Григорьяном.

Ключевой документ по целям и задачам Совещания был передан Внешнеполитическим комитетом на утверждение Политбюро 26 января 1952 г. Это был текст проекта решения Политбюро по подготовке и проведению Совещания с рядом дополнительных документов в приложении. В нем прямо говорилось, что «основная цель Московского экономического совещания заключается в том, чтобы содействовать прорыву торговой блокады и той системы мероприятий по экономической дискриминации в отношении СССР, стран народной демократии и Китая, которая в последние годы проводится правительством США со все большим нажимом...» (2).

Совещание было призвано поддержать существующие протестные настроения в буржуазных кругах, за счет конкретной программы развития торговли (с акцентом на мирные отрасли производства) заинтересовать значительные промышленные и торговые круги в капиталистических странах. Прагматическая торговая составляющая заключалась в выявлении возможностей восстановления и развития нормальных экономических связей между странами. И уже в последнюю очередь говорилось о «привлечении к делу защиты мира новых слоев населения на основе их заинтересованности в расширении экономического сотрудничества» (3).

Кто были эти «значительные торговые и промышленные круги»? Список фирм претерпевал существенные изменения по мере отказа одних и появления предложений по приглашению других компаний и ассоциаций.

Интересно, что в тексте постановления фигурировали Торговая палата США, Национальный союз промышленников Англии, Национальный совет предпринимателей Франции, Генеральная конфедерация итальянской промышленности и др. Также сознательно говорилось о желательности пригласить помимо «прогрессивных» профсоюзов некоторые откровенно антисоветские, реакционные профорганизации, например Международную конфедерацию христианских профсоюзов и др. (4).

В пункте о составе Совещания указывалось примерное распределение делегатов по идеологическому признаку: треть делегатов должны были составить представители СССР, Китая, стран народной демократии и ГДР. Половина участников совещания должна была состоять из делегатов капиталистических стран, однако так, чтобы не менее трети из них составляли «прогрессивные деятели». Остальные участники ожидалось из зависимых и слаборазвитых стран.

В списке кандидатур, отобранных национальными комитетами и одобренных в Москве, особое внимание уделялось генеральным директорам ведущих корпораций Европы и Америки, а также международным бизнес-ассоциациям. Подробный внутренний доклад таможенных служащих из Праги о том контингенте лиц, которые проезжали в Москву через Чехословакию, давал следующую характеристику участникам: «Политический профиль делегаций весьма широкий. Поскольку отдельные участники, проезжающие Прагой, проявили свою политическую ориентацию, можно констатировать, что между ними были люди как весьма прогрессивного мировоззрения (даже члены соответствующих компартий), так и социал-демократы разных оттенков, либералы, консерваторы, даже реакционеры. Преобладал тип либеральный и консервативный» (5).

Приоритеты совещания и планировавшийся состав говорят о том, что, вне сомнений, главный эффект ожидался в отношениях со странами Запада.

Письма, посланные в адрес инициативного комитета, устраняют сомнения в том, что на Западе существовал неподдельный интерес к восточ-

ным рынкам. Можно найти массу писем, рекламирующих новые продукты и технологии, а также содержащих вопросы о возможностях установления деловых контактов с потенциальными партнерами из стран СЭВ по конкретной номенклатуре товаров. И хотя организаторы старались всячески подчеркивать в подготовительных материалах, что Совещание – это не промышленная выставка, а гораздо более серьезное и масштабное мероприятие, на деле каждая страна СЭВ (включая сам Советский Союз) подготовили детальные планы увеличения торговли с конкретными странами (в первую очередь западными), а во время проведения Совещания были организованы несколько масштабных промышленных и продуктовых выставок, организованы показы советской моды и т.д.

Резолюция Инициативного комитета в Копенгагене была принята после дискуссии с представителями капиталистических стран. Например, в докладе о работе Инициативного комитета (составленном для Внешнеполитического комитета ЦК) говорилось, что «представители капиталистических стран выражали опасения и требовали гарантий, что московское совещание не будет иметь политического характера, не будет связано с движением за мир, не будет касаться политических разногласий, разъединяющих в настоящее время различные страны, совершенно исключит вопросы пропаганды и, в частности, вопрос о превосходстве одного социального строя над другим, имена участников не будут использоваться в политических целях и не будут связаны с какими-либо решениями, с которыми они не согласны» (6).

И именно благодаря тому, что была дискуссия, по настойчивому требованию западных делегатов были внесены поправки в текст итоговой резолюции (7).

О серьезности намерений советской стороны говорит тот факт, что тексты выступлений советского представителя на пленарном заседании и представителей ВЦСПС и Всесоюзной торговой палаты на различных секциях Совещания редактировались по меньшей мере 5–7 раз (каждый) как его авторами, так и высокопоставленными чиновниками из внешнеполитического комитета ЦК.

Ни один из доступных документов напрямую не говорит о том, что Московское совещание было связано с ратификацией Парижского или Боннского договоров. Однако время созыва конференции, изначально планировавшейся на конец 1951 г., более чем подозрительно (8). Вполне допустимо, что одной из целей этого мероприятия было помешать подписанию Боннского (сепаратного договора США, Великобритании и Франции с ФРГ в мае 1952 г.) и Парижского (о ремилитаризации ФРГ и создании Западноевропейского союза, подписанного в 1954 г.) договоров.

О чем можно говорить без капли сомнения – так это о том, что под разговорами о противодействии американской политике торговой дискриминации стран Восточной Европы и Китая подразумевалась борьба с первыми

проявлениями западноевропейской интеграции. Под словосочетанием «американская политика в Европе» подразумевалось то, что позже вошло в советский политический лексикон как «западноевропейская интеграция».

Вот почему борьба с «планом Маршалла» подразумевала и борьбу с первым из европейских сообществ – ЕОУС. «Принятый недавно рядом европейских стран “план Шумана” предусматривает отмену режима наибольшего благоприятствования, предоставленного странами-участницами другим странам по торговым договорам и соглашениям, в отношении торговли каменным и бурным углем, коксом, железной и марганцевой рудой, ломом, чугуном, сталью, прокатом и т.д.», – прямо говорилось в приложенной к проекту аналитической записке МВТ СССР. В ней предлагалось развивать широкие возможности советской торговли с Западной Европой и доказывалось, что это укрепит торговый и финансовый потенциал западных держав и даст им гарантированные заказы для промышленности, а значит, улучшение ситуации с безработицей и жизненными стандартами (9).

Анализ озвученных на МЭС советскими представителями предложений по развитию торговли показывает, что среди всех прочих капиталистических стран трем было уделено особое внимание со стороны СССР: Франции, Западной Германии и Великобритании.

Во-первых, Франции отводилась в этом процессе ключевая роль: бывший депутат парламента и служащий министерства финансов Робер Шамбейрон возглавил сперва Инициативный комитет, а затем Комитет содействия международной торговли. Во-вторых, как следовало из его вступительного слова на открытии совещания, именно в Париже впервые собрались представители делового мира, профсоюзов и научных кругов и выдвинули идею созыва конференции (10). Наиболее щедрое предложение по развитию взаимной торговли (5–6-кратное увеличение товарооборота по сравнению с уровнем 1951 г.) было сделано с советской стороны Франции (11). Сравнивая давление, которое оказывалось на участников совещания в их родных странах, только во Франции член правительства (а также один из основоположников западноевропейской интеграции) Робер Шуман разослал специальные письма приглашенным участникам, призывающие одуматься и отказаться от участия в этой затее (12).

Другая страна, занимавшая большое место в советских предложениях, была Западная Германия.

В выступлении директора Научно-исследовательского конъюнктурного института МВТ СССР Н. Орлова содержался специальный пассаж, адресованный Бонну. В нем говорилось: «...те побежденные страны, развитие мирной экономики которых в настоящее время тормозится и которые лишены самостоятельности в ведении своих внешнеторговых дел, могли бы занять подобающее место в развитии международной торговли» (13). Конкретные предложения были сделаны в тексте другого советского представителя: «Советские

внешнеторговые организации, развивая торговлю в широких масштабах с ГДР, готовы установить торговые связи с деловыми кругами Западной Германии и разместить там заказы на товары, обычно вывозившиеся из Германии в СССР, с поставкой в течение ближайших 2–3 лет, на сумму до 2 млрд руб. Со своей стороны, Советский Союз мог бы поставлять в Западную Германию зерно, лес, марганцевую и хромовую руды, нефтепродукты и другие товары» (14).

Помимо планов по открытию «железного занавеса» материалы конференции говорят о том, что впервые идеи мирного существования и экономического сотрудничества были косвенным образом озвучены еще при позднем Сталине и подхвачены и развиты уже при Хрущеве.

Один из самых интригующих и загадочных фактов в истории МЭС заключается в том, что столь прочно вошедший в политический лексикон в более поздний период советской истории термин «мирное сосуществование» неожиданно появляется в первых секретных проектах выступления советского представителя на МЭС в конце января – начале февраля 1952 г.

Первый проект выступления был приложен к проекту резолюции Политбюро по МЭС, подготовленному на имя Сталина и разосланный всем членам Политбюро (Г.М. Маленкову, Л.П. Берия, Н.А. Булганину, А.И. Микояну, Л.М. Кагановичу и Н.С. Хрущеву).

На анализе эволюции этого документа стоит остановиться отдельно.

В первом варианте выступления (вероятно, его следует датировать 26 января – одной датой с самим проектом решения Политбюро) на первой же странице вторым абзацем напечатано: «Советский Союз исходит из возможности *мирного сосуществования различных социально-экономических систем* и готов развивать торговые отношения со всеми странами и со всеми торговыми и промышленными кругами, если эти отношения будут развиваться на основе взаимной выгоды и строгого выполнения взятых на себя обязательств» (15). В правом верхнем углу всего документа размашистым подчерком Микояна написано: «тон грамотный».

В следующей версии этого текста, датированной 1 февраля 1952 г., слово «социально-» вычеркнуто от руки, оставлено «*мирного сосуществования различных экономических систем*» (16). А уже через день, 2 февраля, само «мирное сосуществование» было вычеркнуто и вместо него вписано «*экономическое сотрудничество*» (17).

Таким образом, можно констатировать, что в начале 1952 г. в узком кругу лиц, которые были причастны к выработке советской внешней политики, рассматривались идеи мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем. Первоначальный автор проекта неизвестен. Можно предположить, что поскольку он был представлен от имени Внешнеполитического комитета, автор или авторы были из его рядов. Однако трудно поверить, что они были столь самостоятельны в такой инициативе без сигнала сверху.

Можно также заключить, что, по-видимому, в итоге термин «мирное сосуществование» был сочтен преждевременным, а может быть, даже опасным. Тем не менее, смысловая коннотация оставшегося на месте вычеркнутого революционного «мирного сосуществования» нейтрального «*экономического сотрудничества систем*» в советском понимании (при чтении между строчек) вполне могла подразумевать гораздо больше, чем простой дебит и кредит в торговле.

Советская история знает немало примеров маскировки и текстовой подстраховки новаторских идей в речах советских лидеров. В итоговом выступлении советского представителя в апреле 1952 г. этот абзац прозвучал следующим образом: «Советский Союз готов расширить торговые отношения со всеми странами и со всеми торговыми и промышленными кругами, имея в виду, что эти отношения будут основываться на взаимной выгоде и точном выполнении сторонами взятых на себя обязательств. При этом Советский Союз исходит из того, что *различия экономических систем* (выделено нами. – М.Л.) не могут являться препятствием для развития такого сотрудничества между всеми странами» (18). А в резолюции МЭС в разделе о путях улучшения экономических отношений между различными странами мира все-таки хоть и не в первоначальной формулировке, но ближе всего к ней прозвучало: «теоретически и практически доказано, что существование *различных социально-экономических систем* (выделено нами. – М.Л.) не может служить причиной, препятствующей развитию широких экономических отношений. При желании сотрудничества на основе равноправия и взаимной выгоды оно может быть осуществлено в значительных масштабах» (19).

Для достижения этих целей МЭС предлагал предпринять ряд шагов. Первая часть – политическая: прекратить войну в Корее и Вьетнаме, подписать Пакт мира между пятью великими державами, прекратить гонку вооружения.

Заслуживает внимания текст пакта. Во-первых, он констатировал необходимость международного сотрудничества независимо от экономического развития, социальной или политической системы стран-подписантов, что звучало как начало разрядки. Во-вторых, в стремлении закрепить принцип наиболее благоприятствуемой нации в торговых отношениях он был направлен против ЕОУС. В нем подчеркивалась недопустимость введения контроля над международной торговлей сырьевыми материалами одной страной (читай: США. – М.Л.) или группой стран (читай: ЕОУС. – М.Л.) в ущерб интересам других стран (20).

Вторая – экономическая: отказ от дискриминации в международной торговле, в частности с СССР, странами Восточной и Центральной Европы, а также Китая; заключение Пакта экономического сотрудничества между правительствами всех стран. Разработанный текст пакта международного экономического сотрудничества в числе прочих стандартных для такого ро-

да документов слов общего содержания имел обязательную часть: договаривающиеся стороны обязались вступить в переговоры для заключения соглашений по интересующим их вопросам в течение 6-месячного периода после вступления в силу этого документа (21).

Одним из реальных результатов конференции стало решение учредить Комитет содействия международной торговле. В его задачу входила подготовка второй, аналогичной московской, международной конференции по вопросам торговли и пропаганда итогов МЭС. Комитет был также призван передать предстоявшей Сессии ГА ООН резолюцию МЭС с требованием созыва ООН Межправительственной конференции содействия мировой торговле, на которой были бы озвучены заключения и предложения МЭС (22). Невероятно, но факт – благодаря чрезвычайно активному участию британской делегации польский представитель профессор Оскар Ланге предложил советской стороне сделать Лондон местом заседаний такого комитета (23). Советский представитель и глава всесоюзной торговой палаты М. Нестеров отверг эту идею, предложив выбрать Берлин. В итоге выбор пал на столицу Австрии Вену.

Однако вскоре после завершения МЭС без видимых причин советская сторона начала отстраняться от работы созданного с таким трудом Комитета содействия международной торговле. Появились первые смутные признаки того, что советская сторона стала затягивать принятие кардинальных решений, в то время как генеральный секретарь Комитета Р. Шамбейрон и профессор О. Ланге торопили события и были полны энтузиазма относительно перспектив деятельности Комитета. Внезапно «дипломатическая» болезнь скосила советского представителя М. Нестерова, он начинает избегать участия в заседаниях Бюро Комитета содействия международной торговле (с июля 1952 г.), а также прямых контактов с Шамбейроном по телефону. Советская сторона затягивает с образованием национального отделения Комитета, а также с выплатой членского взноса.

Что интересно, согласно постановлению Совета Министров СССР от 24 апреля 1952 г. Всесоюзной торговой палате выделялись 48 тыс. инвалютных руб. с целью поквартального внесения в качестве советского взноса за участие в работе Комитета в 1952 г. (24).

Поначалу выплаты не производились ввиду неопределенности вопроса с местопребыванием Комитета. Однако когда штаб-квартирой была выбрана Вена и в начале ноября 1952 г. Нестеров послал Молотову запрос о том, следует ли произвести выплату (указав на то, что Венгрия и Китай уже внесли свои взносы), Молотов в ответ написал от руки: «Надо вызвать тов. Нестерова и сказать, что этого делать не следует. Необходимо в точности придерживаться тех указаний, которые были даны 15.11» (25).

Какие именно указания были даны 15 ноября, установить по архивным документам пока не удалось. Несколько дел, посвященных Московскому экономическому совещанию в РГАСПИ (впрочем, как ни странно, и в На-

циональных архивах Великобритании), остаются частично или полностью засекреченными. Однако суть этих указаний становится понятна по ответу на запрос политсоветника советской части союзнической Комиссии по Австрии С.М. Кудрявцева, как следует реагировать на настойчивые предложения со стороны Шамбейрона провести заседание Комитета по развитию международной торговли в Праге в декабре 1952 г.

Ответ руководителя внешнеполитического комитета ЦК ВКП(б) Григорьяна был оформлен в виде письма на имя Сталина, в котором он информировал главу страны о сути запроса советского политсоветника и подчеркивал «собственную» точку зрения о том, что дальнейшее существование Комитета содействия международной торговле не представляется целесообразным (26).

К письму на имя Сталина прилагался проект постановления ЦК КПСС, в котором предлагалось утвердить текст ответной телеграммы Кудрявцеву с окончательным вердиктом: «Нестеров находит нецелесообразным созыв Бюро и считает, что, как показал опыт, вообще нецелесообразно продолжение существования Комитета, так как это создает видимость особой заинтересованности СССР и стран народной демократии в торговле с капиталистическими странами, что не соответствует интересам дела и противоречит общеизвестным фактам» (27).

Каковы могли быть истинные причины такого поворота и внезапного финала, казалось бы, многообещающей кампании за развитие международной торговли? Каковы были причины созыва Московской экономической конференции в апреле 1952 г.? Однозначного ответа на эти вопросы пока нет, однако можно высказать несколько версий на этот счет.

В качестве первого объяснения радикальной перемены советского отношения к кампании за развитие международной торговли следует взглянуть на изменения в настроении Сталина.

Период 1952–1953 гг. был крайне нервным для советского руководства по причине прогрессирующей болезни Сталина и связанной с этим его растущей подозрительности в отношении ближайших соратников. Это в полной мере проявилось на XIX партийной конференции в октябре 1952 г. На ней Сталин напрямую обвинил Молотова и Микояна в серьезных ошибках и заявил о существовании некоего раскола в Политбюро (28). Оба обвиняемых входили в состав Внешнеполитического комитета ЦК, который готовил и отвечал за МЭС. Можно предположить, что в условиях кампании против космополитов и скрытых врагов внутри страны продолжение поисков путей сотрудничества с Западом становилось слишком опасным предприятием, особенно если Сталин изменил свое отношение к этой идее.

В ходе обсуждения текста доклада, легшего в основу этой статьи, с д.и.н. Ю.И. Рубинским на международной конференции «Россия и ЕС: прошлое и настоящее» в ИВИ РАН в ноябре 2009 г. родилась еще одна, историко-психологическая трактовка феномена МЭС. Согласно идее Ю.И. Рубинского,

если посмотреть на физическое и умственное состояние главы страны в начале 1950-х гг., то можно заметить глубокую антиномию во взглядах самого Сталина, отражением чего и могла явиться кратковременная «аномалия» в виде МЭС (29).

Другим возможным объяснением является то, что конференция и отклики на ее решения не оправдали ожиданий ее организаторов. В письме на имя Р. Шамбейрона (датированном августом 1952 г.) М. Нестеров указывал на «официальную» причину своего отсутствия на заседании Бюро комитета содействия торговли: «Я по-прежнему считаю, что развитие движения за расширение торговых связей между странами и за ликвидацию дискриминаций в международной торговле, установленных правительствами США, Англии и других стран, будет результативным только тогда, когда оно будет основано на участии и глубокой заинтересованности широких влиятельных деловых кругов в капиталистических странах. Без этого условия действия комитета «сверху» будут бесплодными» (30).

Если принять это объяснение, то получается, что главной целью МЭС было создание механизма для ведения диалога с деловыми кругами капиталистических стран. Пожалуй, это была крупномасштабная попытка инициировать диалог с широкими кругами западного общества и стран «третьего мира» с целью выработать «модус вивенди» и заставить соответствующие правительства пересмотреть свою дискриминационную торговую политику. Первоочередной целью МЭС был прорыв торговой блокады, соображения идеологического порядка не были доминирующими в советских планах.

Следует признать, что многообещающий великий замысел перестройки мировых торговых отношений не был реализован в полной мере по ряду причин. В первую очередь – из-за явного противоречия между проводимой Сталиным антизападной кампанией внутри страны и попытками создать благоприятный образ СССР в мире.

Впрочем, вопрос о том, насколько правомерно называть «сталинским» политический курс СССР в 1951–1953 гг., был поставлен еще в работе д.и.н. Ю.Н. Жукова. Он утверждает, что по сути в последние два года своей жизни Сталин в значительной степени отошел от реальных дел, доверив управление страной триумvirату Булганин–Берия–Маленков (31). В интерпретации Ю. Жукова, МЭС было звеном в череде внешнеполитических мероприятий по смягчению международного климата, отхода от политики силы и стремления к развитию легкой промышленности, широкой торговли товарами массового потребления, которую олицетворяла партийная группа «голубей» во главе с Г.М. Маленковым (к которой, несомненно, относился и А.И. Микоян). Ей противостояли «ястребы», олицетворявшие ВПК, в лице Н.А. Булганина и, в значительной степени, Л.П. Берия (32). Соотношение сил между двумя лагерями менялось постоянно. Следуя этой логике, непоследовательность советской политики в отношении итогов МЭС была отражением подковерной борьбы на политическом олимпе СССР в рамках руководящего триумvirата.

В тактическом плане главным достижением МЭС был пропагандистский эффект конференции, приведший несмотря на все бойкоты и противодействия к всплеску конфиденциальной переписки (вплоть до тайных переговоров летом 1952 г. в Копенгагене с делегацией западногерманских фирм!) с прямым или косвенным участием представителей правительств западноевропейских стран. Однако, видимо, когда сторонники конфронтации с Западом опять стали брать верх в советском руководстве, Кремль сам дезавуировал часть своей инициативы, отвергнув во второй половине 1952 г. поступившие на волне МЭС предложения развивать торговлю товарами массового потребления. Развивать же торговлю товарами, необходимыми для развития тяжелой промышленности, западноевропейским странам не позволило давление со стороны США. Политические факторы с той и другой стороны в обстановке начала 1950-х гг. оказались сильнее экономического интереса.

В 1953 г. в качестве продолжения московского совещания планировалась вторая международная экономическая конференция в Китае, которая вызвала уже более серьезный интерес со стороны официальных кругов западных стран. И это позволяет говорить о том, что из-за переменчивой позиции Москвы по поводу будущего Бюро по развитию международной торговли больше всех от МЭС в международном плане выиграл Китай, а не СССР.

Для СССР это была первая послевоенная попытка приоткрыть «железный занавес» и предотвратить углубление, прежде всего, военно-политической интеграции стран Западной Европы, провозгласив торговлю средством мирного сосуществования. Она оказалась тактической, хотя имела потенциал новой стратегической линии СССР. Даже не реализованные в 1952 г. идеи создания новой международной торговой организации и новой международной торговой конференции стали неотъемлемой частью советского внешнеполитического арсенала во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., приведя в итоге к созданию ЮНКТАД в 1964 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Как звено в цепи событий, отражавших борьбу за власть в среде узкого круга руководства СССР, МЭС получило краткое освещение в книге: *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. – М., 2000. – С. 556; применительно к развитию советско-итальянских отношений МЭС в качестве самостоятельной главы анализируется в монографии: *Хормач И.А.* СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х гг. – М., 2005. – С. 330–341. В западной историографии единственная серьезная публикация по этой теме вышла недавно во Франции на базе франко-британских источников: *Thierry R.* Les relations commerciales de la France et de la Grande-Bretagne avec la Re-publique populaire de Chine, á la lumière de la Conférence économique internationale de Moscou d'avril 1952 // *Revue d'Histoire diplomatique.* – 2007. – № 1. – P. 41–58.
- (2) РГАСПИ. – Ф. 84. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 61.

- (3) Там же. – Л. 62.
- (4) Там же. – Л. 63.
- (5) РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 137. – Д. 790. – Л. 351.
- (6) Там же. – Д. 521. – Л. 166.
- (7) Там же. – Л. 174–175.
- (8) На то, что такая связь существовала и могла оказывать влияние на обсуждение вопроса о ремилитаризации ФРГ, указывает засекреченный документ 1952–1953 гг., хранящийся в Национальных архивах Великобритании. Он содержит записи заседаний организации Брюссельского договора (Западного союза, преобразованного в 1954 г. в Западноевропейский союз с участием ФРГ), на которых, исходя из названия, рассматривался вопрос о МЭС – The National Archives (TNA) – DG 1/25. Текст документа пока недоступен.
- (9) РГАСПИ. – Ф. 84. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 4.
- (10) Там же. – Ф. 17. – Оп. 137. – Д. 796. – Л. 150.
- (11) Там же. – Д. 797. – Л. 118.
- (12) Там же. – Д. 790. – Л. 349. Средства государственного давления на приглашенных участников МЭС в каждой стране были разными. Например, США угрожали сделать невъездными в Америку всех участников из Франции, Бельгии, Италии, Голландии. Более того, в марте 1952 г. в США была проведена большая международная экономическая конференция, явно призванная перехватить инициативу и отвлечь внимание деловых кругов капиталистического мира от советской темы.
- (13) Там же. – Д. 796. – Л. 147–148.
- (14) Там же. – Д. 797. – Л. 119.
- (15) Там же. – Ф. 82. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 65.
- (16) Там же. – Л. 84.
- (17) Там же. – Л. 100.
- (18) Там же. – Ф. 17. – Оп. 137. – Д. 797. – Л. 112.
- (19) Там же. – Д. 521. – Л. 97–98.
- (20) Там же. – Ф. 84. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 21.
- (21) Там же. – Ф. 17. – Оп. 137. – Д. 521. – Л. 100.
- (22) Там же. – Ф. 17. – Оп. 137. – Д. 792. – Л. 169.
- (23) Там же. – Л. 203.
- (24) Там же. – Л. 270.
- (25) Рукописная помета Молотова. – Там же.
- (26) Там же. – Л. 272.
- (27) Там же. – Л. 274.
- (28) *Лихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны, 1945–1985 гг. – М., 2007. – С. 212–216; *Фурсенко А.А.* Россия в международных кризисах. Середина XX века. – М., 2006. – С. 28–32.
- (29) Международная научная конференция «Россия и ЕС: прошлое и настоящее. К 20-летию подписания Соглашения между СССР и Европейским Сообществом 1989 г.». Москва, ИВИ РАН, 9–10 ноября 2009 г.
- (30) РГАСПИ – Ф. 17. – Оп. 137. – Д. 792. – Л. 238.
- (31) *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля... – С. 548.
- (32) Там же. – С. 551, 559.

**THE MOSCOW ECONOMIC CONFERENCE OF APRIL 1952:
A TACTICAL MANOEUVRE OR A NEW STRATEGY OF USSR?**

M.A. Lipkin

World History Editing Department
Institute of World History of Russian Academy of Sciences
Leninskiy Pr-t, 32-a, Moscow, Russia, 119334

In the article analyzes the prehistory, history and the meaning of a large soviet international action – the Moscow economic conference in April 1952. With a use of new evidences from the Russian state archive of social and political history the author argues that the Conference was not just a reaction to the Marshall Plan and Shuman Plan in Western Europe. It was the first attempt to open the iron curtain and change the logic of international relations towards peaceful coexistence. The Conference turned into quite unusual for the period of late Stalin's rule nursery for fresh ideas used in full by USSR later in 1950–1970s.

Key words: USSR, economics, diplomacy, peaceful coexistence, integration, cold war, international trade.